

А. Н. ГУМИЛЕВ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РУССКОГО КОСМИЗМА

П. С. КАРАКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Выявляются особенности концепции этногенеза Л. Н. Гумилева, ее обоснованные и спорные стороны. Значительное внимание уделяется раскрытию влияния биосферных и космических идей В. И. Вернадского на становление воззрений Л. Н. Гумилева, основой которых были представления о космической обусловленности смены этносов в реальной истории человечества. Рассматривается попытка раскрыть взаимосвязь истории людей и истории природы. Подчеркивается озабоченность ученого характером отношения человека к природе, важностью утверждения разумных форм отношения людей к ней. Делается вывод о принадлежности Л. Н. Гумилева к числу представителей русского космизма.

Ключевые слова: природа; биосфера; ноосфера; история; этнос; этногенез; пассионарность; наследственность; мутация; космизм; русский космизм.

L. N. GUMILEV AS A REPRESENTATIVE OF RUSSIAN COSMISM

P. S. KARAKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article reveals the features of the concept of ethnogenesis of L. N. Gumilev, its justified and controversial aspects. Considerable attention is paid to revealing the role of biosphere and space ideas of V. I. Vernadsky on the formation and expression of L. N. Gumilev's cosmic views. Their basis was the idea of cosmic conditioning of the change of ethnic groups in the real history of mankind. He made an attempt to uncover the connection between history of people and history of nature. His concern is emphasized by the nature of man's attitude to nature, the importance of affirming reasonable forms of people's attitude to it. It is concluded that L. N. Gumilev was involved in the number of representatives of Russian cosmism.

Keywords: nature; biosphere; noosphere; history; ethnos; ethnogenesis; passionarity; heredity; mutation; cosmism; Russian cosmism.

В современных исследованиях ряда российских ученых обнаруживается возрастающее внимание к русскому космизму. В работах Б. М. Владимирского, В. Н. Демина, С. И. Шлёкина и других к числу представителей этого течения причисляются многие деятели науки и культуры. Медленно и неуклонно идет процесс возвращения в отечественную духовную культуру ранее запрещенных к изданию трудов Л. Н. Гумилева «Этногенез и биосфера Земли», Д. Л. Андреева «Роза мира» и т. д. [1, с. 94]. В труде [1] помещены и портреты авторов выше-

названных книг, но не сказано ни единого слова о содержании их космических идей, особенно Л. Н. Гумилева. Определенное внимание космизму последнего уделяет В. Н. Демин. Свое исследование он начинает с утверждения о влиянии биосферных идей В. И. Вернадского (1863–1945) на становление концепции этногенеза Л. Н. Гумилева как ядра его космизма. Он утверждает, что «учение Вернадского о биосфере применительно к социальным явлениям, историческим процессам и общественным структурам было конкретизировано в теории эт-

Образец цитирования:

Карак ПС. Л. Н. Гумилев как представитель русского космизма. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2020;3:12–19.

For citation:

Karako PS. L. N. Gumilev as a representative of Russian cosmism. Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2020;3:12–19. Russian.

Автор:

Петр Семенович Карак – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Petr S. Karako, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences. kafedra628@gmail.com

ногенеза Льва Николаевича Гумилева (1912–1992)» [2, с. 127]. При этом В. Н. Демин пишет, что главные идеи этой теории были сформулированы Л. Н. Гумилевым в тюрьме и ссылке, куда он попал только за то, что был сыном опальных поэтов – Н. Гумилева и А. Ахматовой. Автор допускает неточность в отношении времени написания Л. Н. Гумилевым своего труда. В 1956 г. тот был освобожден из заключения и реабилитирован из-за отсутствия состава преступления. В 1961 г. он защитил докторскую диссертацию «Древние тюрки. История Средней Азии на грани древности и Средневековья (VI–VIII вв.)» (по историческим наукам). Она была написана во время пребывания автора в лагерях и ссылках. Его труд «Этногенез и биосфера Земли» был закончен и подготовлен к публикации в 1979 г., но издан, к сожалению, только в 1989 г.

Теоретические основы концепции Л. Н. Гумилева

Теоретические основы концепции Л. Н. Гумилева сформулированы в ряде его трудов. Так, в работе «Этносфера: история людей и история природы» (1993) отмечается, что для понимания процесса возникновения и исчезновения этнических систем в историческом времени принципиальное значение имеет идея основоположников марксистской философии о взаимосвязи истории людей и истории природы, изложенная ими в «Немецкой идеологии» (1845–1846): «Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны; до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга» [3, с. 16]. Данная мысль, правда в сокращенном варианте, приводится Л. Н. Гумилевым и в работе «Этногенез и биосфера Земли». При этом автором процитированного положения Л. Н. Гумилев считает только К. Маркса. Подобная небрежность недопустима в научных исследованиях.

Феноменами, в которых осуществляется взаимодействие людей, их материальной и духовной культуры с природной средой, являются, по Гумилеву, исторически сложившиеся группы людей – этносы. Вот почему выявление характера такого взаимодействия он считал важнейшей задачей «этнической истории» [4, с. 285]. Успешность решения поставленной задачи ученый связывал с применением системной методологии, в частности системного подхода, обоснованного австрийским биологом и философом Л. Берталанфи [4, с. 47; 5, с. 100]. Ради исторической правды следует сказать, что не Л. Берталанфи, а В. И. Вернадский является пионером использования системного подхода в научном знании. В его труде «Биосфера» (1926) определены и опубликованы основные идеи этого подхода, а биосфера представлена не только как естественное тело, но и как системное образование. В рабо-

нельзя согласиться и с тем, что учение В. И. Вернадского о биосфере было лишь конкретизировано Л. Н. Гумилевым при обосновании концепции этногенеза: им использовались и другие теоретические и методологические положения, ставшие основой данной концепции, ее космической выраженности.

Отмеченные пробелы в понимании особенностей концепции этногенеза Л. Н. Гумилева сориентировали автора настоящей работы на их ликвидацию. При этом наше внимание будет сконцентрировано на раскрытии роли космических идей В. И. Вернадского в становлении космизма Л. Н. Гумилева и на возможности причисления последнего к представителям русского космизма. Для решения поставленной задачи первостепенное значение будет иметь выявление методологических и теоретических источников концепции Л. Н. Гумилева.

те [6, с. 66–86] подробно раскрывался приоритет В. И. Вернадского в обосновании сущности системной парадигмы, ее методологической роли в постижении биосферы и ее процессов. Л. Н. Гумилев использовал только определение понятия «система», которое сформулировал Л. Берталанфи: «Система есть комплекс элементов, находящихся во взаимодействии» [цит. по: 5, с. 100]. Данное определение системы легло в основу трактовки Л. Н. Гумилевым понятия «этнос».

Следующим значимым теоретическим источником становления и выражения концепции этногенеза Л. Н. Гумилева были идеи В. И. Вернадского, отраженные в работе «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения» (1965). Он писал, что когда этот труд попал в его руки, то нашел в нем все «нужное для него»: «Оказывается, для того чтобы решать вопросы исторического развития, нужно подойти к ним не индуктивно – от мелкого факта к обобщению, а дедуктивно. Так Вернадский взял все живые организмы на Земле и объявил их биосферой» [4, с. 11]. Такого «объявления» В. И. Вернадский не делал. Ему приписывается понимание биосферы, изложенное в 1875 г. австрийским геологом Э. Зюссом (1831–1914), для которого биосфера – это самостоятельная оболочка Земли, состоящая из всей совокупности населяющих ее организмов. Данная оболочка четко ограничивалась им как в пространстве, так и во времени. И противопоставлялась трем другим оболочкам Земли – литосфере, гидросфере и атмосфере.

Подобную трактовку биосферы В. И. Вернадский не принимал. Если бы Л. Н. Гумилев более внимательно читал вышеназванный труд В. И. Вернадского, то обратил бы внимание на следующее суждение его автора: «Для значительного их числа (геологов. – П. К.) биосфера есть биосфера Зюсса – Лик Земли. Живые организмы, в ней находящиеся, как будто научно

причинно с ней не связаны – сторонние самодовлеющие тела. Но постепенно и по существу быстро эти взгляды меняются» [7, с. 62]. Но, как видим, эти взгляды нашли свое признание и в воззрениях Л. Н. Гумилева. В уже упоминавшейся нашей книге отмечены и другие приверженцы концепции биосферы, сформулированной Э. Зюссом [6, с. 37–38]. На последующих страницах указанного труда раскрывается содержание биогеохимической трактовки биосферы В. И. Вернадским. Для него биосфера есть оболочка Земли, состав, структура и энергетика которой обусловлены прошлой и нынешней деятельностью живого вещества.

Не учитывал Л. Н. Гумилев и представления В. И. Вернадского о структуре биосферы. По Вернадскому, она включает в себя следующие компоненты: живое вещество (совокупность всех форм живого нашей планеты), косное вещество, биогенное вещество, биокосное вещество, вещество радиоактивного распада, рассеянные атомы, создающиеся из земного вещества под воздействием космических излучений, и, наконец, вещество космического происхождения (космическая пыль, атомы и молекулы из космического пространства).

Компонентом биосферы В. И. Вернадский считал человека, да и все человечество. «Человечество как живое вещество, – писал он, – неразрывно связано с материально-энергетическими процессами определенной геологической оболочки Земли – с ее биосферой. Оно не может физически быть от нее независимым ни на одну минуту». Человек и человечество он считал и «мощной геологической силой» [7, с. 339], которая будет переводить биосферу в новое состояние – ноосферу.

Включал человека в структуру биосферы и Л. Н. Гумилев: «Биосфера Земли – это одна из оболочек планеты. Люди входят в состав биосферы, но они столь разнообразны, что рассматривать их всех как целостность – антропосферу – не конструктивно» [8, с. 300]. Конструктивным, по его убеждению, будет учет только отдельных групп людей – этносов, их места и роли в биосфере.

«Человек и человеческие коллективы сопричастны к космосу» (Л. Н. Гумилев)

Для начала выясним, как понимал Л. Н. Гумилев термин «этнос». Он подчеркивал, что этнос есть системное образование: «Этнос – система, развивающаяся в историческом времени, имеющая начало и конец; точнее, этногенез – процесс дискретный» [8, с. 301]. В другой работе он практически повторяет предыдущее определение, но с некоторыми новыми особенностями рассматриваемой системы: «Этнос – это система. Это, во-первых, система закрытая, а во-вторых, корпускулярная. И в-третьих, это система, которая начинается и кончается» [4, с. 12]. «Новая» особенность этноса заключается в том, что он является «закрытой системой». Соответствует ли

Все отмеченное позволяет сделать вывод, что Л. Н. Гумилев понимал и развивал представления о биосфере не в «духе В. И. Вернадского». Но что же было воспринято им от идей В. И. Вернадского и стало одной из предпосылок его концепции этногенеза?

Таковым следует считать положение о роли живого вещества в производстве энергии в биосфере. Оно зафиксировано в первом биогеохимическом принципе В. И. Вернадского: «Биогенная миграция атомов химических элементов в биосфере всегда стремится к максимальному своему проявлению» [7, с. 298]. Данный принцип сформулирован на основе обоснованного им положения о роли живого в производстве и накоплении энергии в биосфере: «Все живое вещество планеты, взятое в целом, является источником действенной свободной энергии, может производить работу» [7, с. 280]. Она выражается в непрерывно протекающей биогенной миграции атомов в биосфере Земли и других процессах. Во втором и третьем биогеохимических принципах В. И. Вернадского фиксируется возрастающая роль живого вещества в накоплении энергии в биосфере, которое происходит в процессе ее эволюции.

Свое согласие с данными принципами В. И. Вернадского выражает и Л. Н. Гумилев. Он считает, что процессы этногенеза становятся возможными только благодаря наличию свободной энергии в биосфере [5, с. 328]. Накопление энергии в биосфере является, по Гумилеву, главной причиной динамики этносов. Выявлению этой причины способствовало и восприятие им системной методологии Л. Берта-ланфи. Он писал, что «системный подход Л. Фон Берта-ланфи и учение В. И. Вернадского о биохимической энергии живого вещества биосферы... позволили сделать эмпирическое обобщение всех ранее установленных фактов и дать тем самым описательное определение категории “этнос”, установив характер движения материи в этногенезах» [4, с. 357–358]. Как же были использованы положения упомянутых ученых и мыслителей в обоснованной Л. Н. Гумилевым концепции этногенеза?

подобная трактовка этноса системной методологии Л. Берта-ланфи?

Наш ответ на поставленный вопрос отрицательный. Как известно, у Л. Берта-ланфи природные и социальные системы считались открытыми. Они существуют только благодаря тому, что обмениваются веществом и энергией с другими смежными системами. Живые и социальные системы обмениваются также информацией. Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что Л. Н. Гумилев не строго придерживался понимания системы, обоснованного Л. Берта-ланфи, да и понимания системной методологии В. И. Вернадского.

Следующей исследовательской задачей является выяснение структурных компонентов этноса и форм их связи между собой внутри данного этноса и с другими подобными общностями. Сам Л. Н. Гумилев по этому поводу пишет, что понятие «этнос» он ввел в свою концепцию этногенеза для «обозначения его как устойчивого коллектива особей, противопоставляющего себя всем прочим аналогичным коллективам, имеющего внутреннюю структуру, в каждом случае своеобразную, и динамический стереотип поведения» [5, с. 278]. В биологии такого рода устойчивые коллективы особей, заселяющие определенную территорию, где осуществляется свободное и неограниченное скрещивание между особями, получили название *популяции*. Л. Н. Гумилев резко выступает против использования понятия «популяция» при характеристике этноса. Он не допускает понимания этноса и как особой социальной общности людей. По Гумилеву, «этнос не биологическое явление, так же как и не социальное» [4, с. 35]. Тогда к какому роду явлений был отнесен им этнос?

Для Л. Н. Гумилева «этнос – это феномен биосферы, и все попытки истолковать его через социальные законы развития общества приводили к абсурду» [8, с. 29]. Избежать такого рода попыток постижения этноса возможно только при учете положения, что «этнос – это явление географическое, всегда связанное с вмещающим ландшафтом, который кормит адаптированный этнос. А поскольку ландшафты Земли разнообразны, разнообразны и этносы» [4, с. 35]. Вот так он первоначально объясняет разнообразие этносов. Но что определяет разнообразие и бытие ландшафтов, особенно их живых компонентов?

Обстоятельно рассматриваемый вопрос был решен в свое время В. И. Вернадским. Он обнаружил, что под воздействием космических факторов живые организмы (растения) производят и накапливают в биосфере органическое вещество, содержание которого определяет и энергетический уровень биосферы. «Сгущение живого вещества» на суше, в морях, океанах, других водных бассейнах Л. Н. Вернадский связывал с воздействием различного рода космических излучений. Да и само живое вещество находится под их влиянием. Оно, как отмечал русский космист, «перерабатывает на нашей планете

три различные формы энергии: 1) космическую лучистую энергию Солнца, тепловую, световую; 2) космическую атомную энергию радиоактивного распада...; 3) космическую, исходящую из нашей Галактики (Млечного пути), энергию рассеянных элементов». Причем он считал, что «первая – энергия Солнца – резко преобладает» [7, с. 298–299].

Л. Н. Гумилев принимает сформулированные В. И. Вернадским положения относительно космических факторов, влияющих на бытие живого в биосфере Земли, и даже освещает воздействие этих факторов на человека. Он, как и В. И. Вернадский, считает, что главным источником энергии, поступающей из Космоса в биосферу Земли, является солнечное излучение. Именно оно поглощается зелеными растениями, благодаря чему становится возможным синтез органического вещества, которое потребляется другими формами живого (гетеротрофами). Гетеротрофным организмом является и человек. Л. Н. Гумилев отмечает воздействие на человека и энергии распада радиоактивных элементов Земли, и энергии, приходящей из «глубин Галактики». По его убеждению, все «описанные явления и есть механизм сопричастности каждого человека и каждого человеческого коллектива космосу» [4, с. 44–45]. При этом он добавляет, что все сказанное относится не только к людям, но и к «народоведению». Вот почему историк считал важным сосредоточить свой интерес на выявлении того, как «влияют энергетические воздействия на судьбы каждого из нас и тех коллективов, к которым мы относимся» [4, с. 45]. В какой же мере человек и человечество «сопричастны» Космосу? Как конкретно явления Космоса влияют на исторические процессы (этногенез)?

На второй вопрос ответ мы находим в работе В. Н. Демина. Он утверждает, что «Космос принимает прямое участие в жизнеобеспечении, направленности и протекании всех исторических явлений, поскольку природа – не просто человеческий дом, «она – мы сами»» [2, с. 127]. Можно ли согласиться с предложенной автором жесткой космической детерминацией истории человечества? На наш взгляд, формулировка данной формы детерминизма определилась безоговорочным восприятием ее автором соответствующих положений Л. Н. Гумилева. К их анализу обратимся и мы.

Космическая обусловленность появления пассионариев и роль последних в этногенезах

В отношении воздействия космических факторов на людей Л. Н. Гумилев выражался однозначно. Он демонстрировал убежденность в том, что разного рода космические излучения влияют на жизнь и поведение как отдельных людей, так и их коллективов. Биосфера Земли постоянно испытывает «энергетические удары» из Космоса. Причем эти «энергетические удары по Земле идут не от Солн-

ца, а из рассеянной энергии Галактики» [8, с. 365]. У людей эта энергия вызывает мутации генетического аппарата. В какой же форме видит их осуществление Л. Н. Гумилев? По этому поводу он писал: «Как правило, мутация почти никогда не затрагивает всей популяции в определенном ареале. Мутируют только отдельные относительно немногочисленные особи, но этого может оказаться достаточно

для того, чтобы возник новый тип людей, в нашем случае консорция, которая при благоприятном стечении обстоятельств вырастает в этнос». Одним из условий такого «перерастания» он считал «пассионарность членов консорции» [8, с. 288].

Следует отметить, что понятие «пассионарность» является центральным в концепции этногенеза Л. Н. Гумилева. Историю его появления и использования раскрывает он сам: «Это слово вместе с его внутренним смыслом и многообещающим содержанием в марте 1939 года проникло в мозг автора как удар молнии. Откуда оно взялось – неизвестно, но для чего оно, как им пользоваться и что оно может дать для исторических работ, было вполне понятно: история любого этноса укладывалась в колыбель описанной схемы (толчок – подъем – перегрев – упадок – затухание)... Оказалось, что любая живая система, будь это этнос или организм, развивается единообразно. Внезапно в ней появляется некоторое множество людей, наделенных пассионарностью, – пассионариев» [8, с. 31]. В чем же выражается пассионарность людей и кто такие пассионарии?

Данные понятия являются основой концепции этногенеза Л. Н. Гумилева. Этим объясняется его особое внимание к раскрытию их содержания и роли в этногенезе. Для Л. Н. Гумилева «пассионарность – это способность и стремление (человека. – Л. К.) к изменению окружения, или, переведя на язык физики, к нарушению инерции агрегатного состояния среды» [5, с. 271]. При этом подчеркивается, что пассионарность «атрибут не сознания, а подсознания». Она выражается в «специфике конституции нервной деятельности» людей. В другой работе приводится следующее определение рассматриваемого понятия: «Пассионарность – это стремление действовать без всякой цели или с целью иллюзорной... она есть реальный мотив человеческого поведения» [4, с. 8].

Пассионарии – это отдельные особи этноса, которые обладают способностью абсорбировать (поглощать) биохимическую энергию живого вещества биосферы больше, чем им требуется в обычной жизни. В этносе такие особи появляются в результате мутаций. Л. Н. Гумилев вновь отмечает: «...мутация никогда не захватывает всей популяции. Мутируют отдельные особи, и по-разному» [8, с. 31–32]. Следствием таких мутаций является изменение генотипа особи и ее поведения. Такая особь становится пассионарной. Л. Н. Гумилев пишет: «Появившийся в ее генотипе вследствие мутации признак пассионарности обуславливает у особи повышенную по сравнению с нормальной ситуацией абсорбцию энергии из внешней среды. Вот этот-то избыток энергии и формирует новый стереотип поведения, цементирует новую системную целостность» [4, с. 82–83].

Появление определенного количества пассионариев в этносе может существенно изменить его

существование. Именно пассионарии являются основным фактором этногенеза. По Гумилеву, этногенез – это процесс возникновения, развития и исчезновения этнических систем. В его трудах упоминается значительное число именитых пассионариев, которые оказали как положительное, так и отрицательное влияние на свой и смежные этносы.

При оценке роли пассионарности в истории этносов следует иметь в виду, что для Л. Н. Гумилева данное явление есть «биологический признак». По мнению Л. Н. Гумилева, «пассионарность... важный наследственный признак, вызывающий к жизни новые комбинации этнических субстратов, преобразая их в новые суперэтнические системы» [5, с. 287]. Биологическая природа рассматриваемого явления многократно выражается им и в других его трудах. Но как она обосновывается?

«Биологичность» пассионариев подтверждается следующим суждением: «Пассионарный признак передается по наследству половым путем, о чем свидетельствует тот факт, что процессы этногенеза в местах, не затронутых пассионарным толчком, начинаются только после распространения на эти территории представителей уже пассионарных этносов. Это, в свою очередь, позволяет говорить об этногенезе как о флуктуации живого вещества человеческих организмов, а о пассионарном толчке как о микромутации на поведенческом уровне» [8, с. 308].

Что можно сказать по поводу процитированных суждений Л. Н. Гумилева? В них воспроизводятся отвергнутые научной биологией положения Т. Д. Лысенко о передаче признаков, приобретенных в процессе онтогенеза живых систем, последующим поколениям.

Но, справедливости ради, следует отметить и то, что Л. Н. Гумилев обращает внимание и на социальные условия бытия человека, он многократно использует выражение советского генетика М. Е. Лобашева «сигнальная наследственность». В нем фиксировалась передача поведенческих навыков, норм морали, выработанных в процессе образования и воспитания людей, последующим поколениям. Таким образом обеспечивается преемственность между поколениями. В полном смысле слова такую форму связи нельзя называть наследственностью, так как она не детерминируется генами человека. Л. Н. Гумилев считал, что человек есть и «социальная единица», ее «социальное бытие определяет и ее сознание». Последнее и «только оно дает возможность каждому отдельному человеку и каждой социальной целостности сделать выбор» форм своей деятельности. В то время как «деятельность, связанная с биологическими отправлениями, права на выбор лишена» [8, с. 336]. К сожалению, как отмеченные, так и другие социальные факторы не нашли своего использования при обосновании историком своей концепции, биологизаторский подход здесь был основным и определяющим.

Логическое постижение космизма предполагает выявление отношения его представителей к идее ноосферы, обоснованной В. И. Вернадским. Его последователь, космист, математик, академик АН СССР Н. Н. Моисеев (1917–2000) считал учение о ноосфере «наследием русского космизма» [9, с. 243]. Как же это наследие оценил Л. Н. Гумилев? Внес ли он вклад в его развитие?

В разделе «Библиография» к труду [8] отмечается статья В. И. Вернадского «Несколько слов о ноосфере» (1944). Данный факт позволяет сделать вывод о том, что Л. Н. Гумилев был знаком с ноосферной идеей своего предшественника. В рассматриваемых в настоящей статье трудах Л. Н. Гумилева понятие «ноосфера» многократно используется. Но что нас поразило – так это следующее заключение Л. Н. Гумилева: «Термин Вернадского “ноосфера” – не совсем удачный» [8, с. 158]. В. И. Вернадский под ноосферой понимал будущее состояние биосферы. Для Л. Н. Гумилева ноосфера – это не ожидаемое закономерное состояние нынешней биосферы в недалеком будущем, а только «особая область биосферы». Ноосфера есть «сфера разума, продуктом которой является техника в самом широком смысле, включающем искусство, науку и литературу как кристаллизацию деятельности разума» [5, с. 335].

С деятельностью разума Л. Н. Гумилев связывал становление хищнического отношения человека к природе, дестабилизацию ее процессов: «...достижения техники позволили хищнически унич-

тожать запасы природных богатств, и это, казалось, путем прогресса. Ныне уже не хватает пресной воды для нужд промышленности, флора угнетена, пылевые бури в США мстят за уничтожение биоценозов прерий, воздух в больших городах обеднен кислородом, с лица Земли за последние 300 лет исчезли 110 видов позвоночных животных и под угрозой находятся еще 600 видов. Еще недавно этот процесс был назван ноосферой и победой над природой» [5, с. 240].

В другой работе следствием реализации идей ноосферы в далеком прошлом считается доставшееся нам наследие: «От палеолита остались многочисленные кремневые отщепы и случайно оброненные скребки да рубила; от неолита – мусорные кучи на местах поселений. Античность представлена развалинами городов, а Средневековье – замков». Все это есть результат «овеществления разума», выразившийся в «технике и ее продуктах» [8, с. 295]. Вот так понимал Л. Н. Гумилев смысл одного из наследий русского космизма.

Все вышесказанное позволяет поставить новые вопросы. Какой вклад внес Л. Н. Гумилев в обоснование русского космизма? Можно ли считать его представителем этого течения русской мысли? Положительный ответ на сформулированные вопросы дает опять-таки В. Н. Демин. Он утверждает, что «Гумилев не просто углубил и конкретизировал идеи Вернадского, но и наметил пути для их дальнейшего развития» [2, с. 130]. Данный вывод нельзя признать безоговорочно.

О вкладе Л. Н. Гумилева в обоснование русского космизма

В поисках ответа на поставленные вопросы мы будем исходить из того положения, что тема космизма была исходной теоретической основой учения В. И. Вернадского о биосфере и ноосфере. Его труд «Биосфера» (1926) начинается с раскрытия влияния Космоса на бытие биосферы, здесь формулируется и вывод о том, что биосфера является космоземной оболочкой нашей планеты. Подробно предпосылки и сущность его космизма и воззрений на биосферу и ноосферу раскрывались нами в специальной статье [10]. В последующие годы представления В. И. Вернадского по обсуждаемым здесь вопросам обосновывались и развивались его последователями: Н. Н. Моисеевым, В. Н. Сукачевым, Н. В. Тимофеевым-Ресовским и другими учеными-космистами. Их вклад в развитие учения о биосфере и ее переходе в ноосферу, да и космизма в целом, также раскрывается в ряде наших работ.

Что же касается Л. Н. Гумилева, то его вклад в учение о ноосфере равен нулю или даже может считаться отрицательным; мы не заметили и каких-либо новшеств в отношении приращения знаний о биосфере, месте и роли человека в ней. Чего стоит вывод о том, что человек есть «органический элемент

земной поверхности, связанный с биосферой неразрывно через инстинкты, позволяющие ему не погибнуть» [8, с. 336]. Разве можно считать подобное суждение конкретизацией идеи В. И. Вернадского о биосфере?

Объем данной работы не позволяет осуществить оценку суждений Л. Н. Гумилева о роли мутаций в человеческих популяциях как факторов смены этносов. Заинтересованному читателю мы адресуем книгу выдающегося советского генетика, академика АН СССР Н. П. Дубинина (1906–1998), в которой подвергнуты критике соответствующие суждения Л. Н. Гумилева и сделан вывод о том, что «признание пассионарности» как «наследственного свойства, физиологической доминанты» есть «свидетельство неправильной интерпретации отдельных фактов реальной истории человечества» [11, с. 42]. Современный археолог А. Н. Медведь высказывает близкую академику Н. П. Дубинину мысль: «Теория пассионарности пока не вошла в число прочно усвоенных концепций и слабо подтверждена фактами истории» [12, с. 619–620].

Л. Н. Гумилев пытался подтвердить свою концепцию исторических процессов фактами астрономиче-

ских наблюдений. Он ссылается на исследования американского астронома Дж. Эдди, который выявил 11-летние циклы солнечной активности. Л. Н. Гумилев пишет, что в свете этих открытий можно считать доказанным, будто «все датированные пассионарные толчки хронологически совпадают с минимумами солнечной активности либо с периодами ее спада. Это уже закономерность, позволяющая интерпретировать явление. При уменьшении солнечной активности защитные свойства ионосферы снижаются и отдельные кванты или пучки излучения могут достигать земной поверхности. А жесткое излучение, как известно, вызывает мутации» [8, с. 365]. Что можно сказать по поводу процитированного суждения? Для ответа на поставленный вопрос обратимся к другим «астрономическим фактам».

В библиографическом списке работ к труду [8] Л. Н. Гумилев упоминает книгу видного русского ученого-космиста А. Л. Чижевского (1897–1964) «Земное эхо солнечных бурь» (1973). Им еще в 1920–30-х гг. была установлена корреляция между 11-летними циклами повышенной солнечной активности и биологическими процессами (эпидемии, пандемии и т. д.) в биосфере и многими социальными явлениями (восстания, войны и т. д.). Высокую оценку научным положениям, обоснованным А. Л. Чижевским, давали выдающиеся представители русского космизма В. И. Вернадский и К. Э. Циолковский. До конца своей жизни А. Л. Чижевский сверял развиваемые им идеи космизма с положениями старших космистов, особенно В. И. Вернадского. А. Л. Чижевский подтверждал истинность его идей относительно биосферы, места и роли человека в ней результатами своих исследований. В силу этого космизм В. И. Вернадского становился научно обоснованным учением [13, с. 49–50], как и космизм самого А. Л. Чижевского, что подтверждается и многими современными исследователями [14, с. 13–14]. Но в трудах Л. Н. Гумилева научных выводов этого космиста, как и других, мы не обнаружили.

Принципиальное значение может иметь мысль, высказанная В. И. Вернадским в письме к своему

сыну Г. В. Вернадскому от 11 июля 1944 г.: «Я очень рад, что ты очень ярко и просто выразил мою мысль о ноосфере как синтезе природного и исторического процесса» [15, с. 242]. Видимо, это последнее суждение В. И. Вернадского о ноосфере. Попыткой осуществить отмеченный «синтез» следует считать и концепцию этногенеза Л. Н. Гумилева. Она, хотя и «неярко и непросто», но формулировалась с учетом роли космических факторов в детерминации социальных процессов, их связи с природными, биосферными процессами и явлениями.

Роднила Л. Н. Гумилева с В. И. Вернадским и другими русскими космистами его озабоченность состоянием природы. Свой труд об этногенезе и биосфере он начинает с констатации того, что это состояние является «бедой нашего времени», да и прошлых периодов истории человечества [5, с. 13]. Он называет и виновников «разрушения природы»: ими являются «те самые динамические стереотипы поведения, которые характеризуют разные этносы» [5, с. 183]. На последующих страницах цитируемого труда важность изменения такого типа поведения людей обосновывается необходимостью установить разумные формы отношения человека к природе.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что Л. Н. Гумилев внес определенный вклад в раскрытие взаимосвязи «истории людей и истории природы». Его концепция этногенеза основывалась на глубоком знании истории многих народов мира, в том числе России. Он сделал попытку раскрыть и влияние космических факторов на «историю людей», тем самым присоединившись к числу представителей русского космизма (В. И. Вернадский, А. Л. Чижевский и др.), которые поднимали и решали такого рода проблемы. Л. Н. Гумилева по праву следует считать представителем данного течения русской мысли. Но его идеи и взгляды требуют более тщательного анализа. Мы призываем и других исследователей обратиться к дальнейшему философскому осмыслению воззрений замечательного русского ученого и мыслителя – Льва Николаевича Гумилева.

Библиографические ссылки

1. Владимирский БМ, Кисловский ДМ. *Пути русского космизма: судьбы людей и идей. Влияние Космоса на социальные процессы. Поиск жизни во Вселенной*. Москва: URSS; 2011. 143 с.
2. Демин ВН. *Русский космизм вчера, сегодня, завтра. Часть 1. Русский космос*. Москва: ЛЕНАНД; 2014. 200 с.
3. Маркс К, Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 3*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1955. с. 7–544.
4. Гумилев ЛН. *Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению*. Санкт-Петербург: Кристалл; 2003. 416 с.
5. Гумилев ЛН. *Этногенез и биосфера Земли*. Москва: АСТ; 2007. 548 с.
6. Карак ПС. *Философия и методология науки. Учение о биосфере и ноосфере*. Минск: Экоперспектива; 2008. 262 с.
7. Вернадский ВИ. *Химическое строение биосферы Земли и ее окружения*. Москва: Наука; 2001. 376 с.
8. Гумилев ЛН. *Этносфера: история людей и история природы*. Москва: Экопрос; 1993. 544 с.
9. Моисеев НН. *Экология человечества глазами математика*. Москва: Молодая гвардия; 1988. 254 с.
10. Карак ПС. Предпосылки и сущность космических воззрений В. И. Вернадского. *Вестник Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія)*. 2018;1:13–22.
11. Дубинин НП. *Что такое человек*. Москва: Мысль; 1983. 334 с.

12. Медведь АН. Идеи В. И. Вернадского и научное творчество Л. Н. Гумилева. В: Яншин АЛ, Лапо АВ, редакторы. *В. И. Вернадский: pro et contra*. Санкт-Петербург: Русский христианский гуманитарный институт; 2000. с. 619–625.
13. Карако ПС. «Космическая философия» А. Л. Чижевского: сущность и место в системе русского космизма. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2018;2:40–50.
14. Карако ПС. Проблема философских оснований и научности космических идей А. Л. Чижевского. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2019;3:9–15.
15. Вернадский ВИ. *Биосфера и ноосфера*. Москва: Наука; 1989. 261 с.

References

1. Vladimirskij BM, Kislovskij DM. *Putyami russkogo kosmizma: sud'by lyudei i idei. Vliyanie Kosmosa na sotsial'nye protsessy. Poisk zhizni vo Vselennoi* [Ways of Russian cosmism: the fate of people and ideas. The influence of the cosmos on social processes. Search for life in the Universe]. Moscow: URSS; 2011. 143 p. Russian.
2. Demin VN. *Russkii kosmizm vchera, segodnya, zavtra. Chast' 1. Russkii kosmos* [Russian cosmism yesterday, today, tomorrow. Part 1. Russian space]. Moscow: LENAND; 2014. 200 p. Russian.
3. Marx K, Engels F. [German ideology]. In: Marks K, Engel's F. *Sochineniya. Tom 3* [Essays. Volume 3]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury; 1955. p. 7–544. Russian.
4. Gumilev LN. *Konets i vnov' nachalo: populyarnye leksii po narodovedeniyu* [The end and the beginning again: popular lectures on ethnography]. Saint Petersburg: Kristal; 2003. 416 p. Russian.
5. Gumilev LN. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the biosphere of the Earth]. Moscow: AST; 2007. 548 p. Russian.
6. Karako PS. *Filosofiya i metodologiya nauki. Uchenie o biosfere i noosfere* [Philosophy and methodology of science. The doctrine of the biosphere and noosphere]. Minsk: Ekoperspektiva; 2008. 262 p. Russian.
7. Vernadsky VI. *Khimicheskoe stroenie biosfery Zemli i ee okruzheniya* [Chemical structure of the biosphere of the Earth and its environment]. Moscow: Nauka; 2001. 376 p. Russian.
8. Gumilev LN. *Etnosfera: istoriya lyudei i istoriya prirody* [Ethnosphere: the history of people and the history of nature]. Moscow: Ekopros; 1993. 544 p. Russian.
9. Moiseev NN. *Ekologiya chelovechestva glazami matematika* [Ecology of mankind through the eyes of a mathematician]. Moscow: Molodaya gvardiya; 1988. 254 p. Russian.
10. Karako PS. Prerequisites and essence of V. I. Vernadsky's cosmic views. *Vesnik Magiljowskaga dzjarzhavnaga wniversitjeta imja A. A. Kuljashova. Seryja A. Gumanitarnyja navuki (gistoryja, filasofija, filalogija)*. 2018;1:13–22. Russian.
11. Dubinin NP. *Chto takoe chelovek* [What is a person]. Moscow: Mysl'; 1983. 334 p. Russian.
12. Medved' AN. V. I. Vernadsky's ideas and L. N. Gumilev's scientific creativity]. In: Yanshin AL, Lapo AV, editors. *V. I. Vernadsky: pro et contra*. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute; 2000. p. 619–625. Russian.
13. Karako PS. «Cosmic philosophy» of A. L. Chizhevsky: essence and its place in system of Russian cosmism. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2018;2:40–50. Russian.
14. Karako PS. The problem of the philosophical foundations and the scientific nature of the cosmic ideas A. L. Chizhevsky. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2019;3:9–15. Russian.
15. Vernadsky VI. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and noosphere]. Moscow: Nauka; 1989. 261 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 10.02.2020.
Received by editorial board 10.02.2020.